

DOI: 10.31857/S0869049922020034  
EDN: EUZGAJ

Оригинальная статья / Original Article

## Фактор Австралии во внешней политике Британии

© К.А. ГОДОВАНЮК

**Годованюк Кира Анатольевна**, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), kira.godovanyuk@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5205-0021

В статье рассмотрено австралийское направление внешней политики Британии в условиях меняющегося миропорядка. Автор отмечает, что Лондон воспринимает Канберру ключевым партнером в ценностно-идеологическом контексте (общая англо-саксонская идентичность), как важное звено союзнической оси стран-единомышленников («сеть свободы и демократии»), а также в геостратегическом значении как площадку для расширения влияния в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Основой «особого» партнерства двух стран на современном этапе стали новые договоренности, в том числе «историческое» торговое соглашение, направленное на расширение экономических связей, углубленное политическое и дипломатическое взаимодействие и активизация оборонно-технического сотрудничества с опорой на новый военно-политический альянс трех англосаксонских держав AUKUS. Одновременно на смену традиционному прагматизму внешней политики Австралии, которая позиционирует себя ответственным международным актором, пришла растущая военно-политическая и экономическая зависимость от союзников, что непосредственно отвечает интересам Лондона. Сближение с Австралией позволяет Британии представить себя важнейшей частью системы антикитайских союзов в ИТР, в авангарде которых находятся именно Вашингтон и Канберра.

**Ключевые слова:** «Глобальная Британия», Австралия, США, Китай, Индо-Пацифика, оборонное сотрудничество, морские маневры, AUKUS, Оборонное соглашение пяти держав, кибербезопасность

**Цитирование:** Годованюк К.А. (2022) Фактор Австралии во внешней политике Британии // Общественные науки и современность. № 2. С. 35–47. DOI: 10.31857/S0869049922020034, EDN: EUZGAJ

# The Factor of Australia in UK Foreign Policy

© K. GODOVANYUK

**Kira A. Godovanyuk**, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kira.godovanyuk@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5205-0021

**Abstract.** The article outlines the Australian component of UK foreign policy in the context of the shifting world order. The author highlights that, in the value and ideological sense and due to the common Anglo-Saxon identity, London considers Canberra to play a key role in the coalition of like-minded countries (a “network of freedom and democracy”), and, in geostrategic terms, as a breeding ground to grow the UK influence into the Indo-Pacific region. The “special” partnership between the two countries at the present stage is underpinned by a number of new agreements, including a “historical” trade deal aimed at expanding economic ties, in-depth political, diplomatic and defense cooperation, based on a new military alliance AUKUS. At the same time, the traditional pragmatism inherent in the foreign policy of Australia, which positions itself as a good international citizen, is being replaced by an increasing military-political and economic dependence, which plays into the hands of London. Coming closer with Australia would also allow Britain to present itself as a key extraregional player in the system of anti-Chinese alliances in the Indo-Pacific, in the forefront of which are Washington and Canberra.

**Key words:** Global Britain, Australia, US, China, Indo-Pacific, defence cooperation, naval exercises, AUKUS, Five Power Defence Arrangement, cyber security

**Citation:** Godovanyuk K. (2022) The Factor of Australia in UK Foreign Policy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.2, pp. 35–47. DOI: 10.31857/S0869049922020034, EDN: EUZGAJ

## Введение

После брекзита Лондон активно восстанавливает ослабевшие по разным причинам союзы и рассчитывает на сближение с традиционными партнерами за счет политических, оборонных и экономических соглашений, а также ценностных установок, направленных на сохранение либерального миропорядка. Речь идет об укреплении двустороннего диалога со странами-единомышленниками, о «подключении» союзников к международной повестке, которая отвечает британским внешнеполитическим интересам, о новых торговых соглашениях [Британия после брекзита 2021, 13–34; *Портанский* 2020], а также о военно-политических партнерствах в Евро-Атлантике и Индо-Пацифике в соответствии с новой стратегией национальной безопасности [*Ананьева, Годованюк* 2021].

С отдельными странами Лондон выстраивает ситуативные союзы (Турция), государства Северной и Восточной Европы он рассматривает прежде всего как союзников в геополитическом противостоянии с РФ, а связи с Индией или Бразилией оценивает, исходя из долгосрочных геостратегических и геоэкономических интересов. Особняком в современной системе союзов Британии стоит Австралия, партнерство с которой обусловлено комплексом исторических, экономических, политических, военных и стратегических интересов, основанных на общей идентичности и оценке угроз современному миропорядку.

## Предпосылки партнерства: общая идентичность и внешнеполитические традиции

С брекзитом на первый план в интеллектуальных дискуссиях вышли вопросы идентичности, которые отражают мифы о противоборстве «англо-саксонской» и «европейской» природы британской внешней политики [Vucetic 2022].

Не утихают споры о том, стало ли особое внимание к «англосфере»<sup>1</sup> неизбежным следствием выхода из Евросоюза или его причиной, как на то указывали брекзитеры. Среди экспертов нет единства по вопросу о том, что считать «англосферой». Ее воспринимали либо как отсылку к имперскому прошлому Британии [Hill 2019], либо как синоним разведывательного Альянса «Пять глаз» (США, Великобритания, Австралия, Канада и Новая Зеландия). В ряде зарубежных исследований сообщество англоговорящих стран рассматривается как «условный геополитический актор», вес которого в мировой политике возрос из-за выхода Британии из ЕС [Peteres 2021]. Такая установка начала доминировать в стратегическом планировании Соединенного Королевства на фоне риторики об отмежевании от Европейского союза, усилении атлантизма и его интерпретации в восточном полушарии – продвижении американской трактовки безопасности в Индо-Пацифике.

В отличие от бывшей метрополии, Австралия не страдает от комплекса особой роли на мировой арене, воспринимая именно бассейн Тихого океана и Юго-Восточную Азию как сферу своих приоритетов. В 1988 г. министр иностранных дел Австралии Г. Эванс (Лейбористская партия) выдвинул концепцию «ответственного международного актора» (good international citizenship) как базовую установку внешней политики [Evans 2022]. Проводя модернизацию политического курса, британские «новые лейбористы» адаптировали австралийскую концепцию под задачи «третьего пути», определив своей целью «этическую внешнюю политику» [Wheeler, Dunne 1998]. Позже идеологическая рамка британской стратегии претерпела несколько трансформаций, обретя черты «Глобальной Британии» как символа отказа от европоцентричной внешней политики. Австралийской внешней политике не были свойственны идеологические «качели», а адаптация к меняющейся международной среде проходила более инертно. Зарубежные и российские авторы едины в оценках, что в международных отношениях Канберра охотно действует как «средняя держава»<sup>2</sup> [Ungerer 2007; Алешин 2020].

Австралия никогда не воспринимала объединение бывших британских колоний и доминионов как магистральную линию внешней политики, хотя именно Содружество наций остается символом неразрывной истории и общей идентичности, а значит, и общности интересов Лондона и Канберры. Исследователи обращали внимание, что действия Австралии в логике «ответственного международного актора» отчетливо проявились именно в рамках Содружества, где ей удавалось даже выступать медиатором [Bridge 2006].

Последние 20 лет страна позиционировала себя частью коллективного Запада, участвуя в военных миссиях НАТО – например, в Афганистане в 2001 г. В июне 2012 г. Австралия подписала с Североатлантическим Альянсом Политическую декларацию, за которой

---

<sup>1</sup> «Англосфера» – собирательный термин для англоговорящих стран (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Австралия) [Wellings, Mycock 2019].

<sup>2</sup> Теоретики международных отношений начали оперировать термином «средние державы» после Второй мировой войны преимущественно для обозначения статуса Австралии и Канады. В отсутствие строгого определения различные школы международных отношений предлагают свою трактовку данного термина. В идейной парадигме неореализма, который доминировал до середины прошлого века, общепринятой была дихотомия «великие державы» vs «другие». Позже классификация «средних держав» преимущественно происходила через функциональные, поведенческие и иерархические характеристики [Chapnick 1999, 73-82].

последовали специальные программы индивидуального партнерства и сотрудничества в 2013 и 2017 гг. (Individual Partnership and Cooperation Programs). В 2014 г. Канберра получила статус партнера НАТО с расширенными возможностями. Впоследствии она стала частью глобальной коалиции по борьбе с ИГИЛ/ДАИШ<sup>3</sup>, выступала операционным партнером Альянса в Ираке и вносила вклад в миссии НАТО по борьбе с пиратством.

В 2014 г. бывший британский доминион принял антироссийские санкции в связи с воссоединением Крыма с РФ, а в 2018 г. на фоне скандала вокруг «дела Скрипалей» выслал двух российских дипломатов. Австралия как часть англосаксонского мира разделяет принципы неолиберального миропорядка с центром в Вашингтоне на фоне углубившегося раскола между «коллективным Западом» и странами, бросающими ему вызов (РФ, Китай и др.).

Британия, которая позиционирует себя «силой добра» и «защитницей демократических ценностей», выступила с инициативой принять Австралию в «клуб западных демократий» (D10). В ответ премьер-министр С. Моррисон предложил накануне саммита Группы семи в 2021 г.<sup>4</sup> «восстановить гармонию либерального миропорядка», частью которого видит себя и Канберра<sup>5</sup>. В связи со специальной военной операцией РФ на территории Украины Австралия приняла несколько пакетов антироссийских санкций в отношении банков, юридических и физических лиц, в том числе журналистов.

С выдвиганием концепции безопасной Индо-Пацифики заявка Канберры на региональное лидерство стала более очевидной, что можно объяснить, в том числе, ее географическим положением на пересечении Индийского и Тихого океанов (в центре геополитического конструкта ИТР). В 2013 г. Австралия первой включила термин Индо-Пацифика в оборонную стратегию.

Несмотря на то, что в стране фактически сформировался внутривосточный консенсус на основе синофобии [Brophy 2021], исследователи все чаще высказывают сомнения в том, что Канберре удастся сохранить за собой роль «ответственного международного актора» в условиях нарастающего противостояния с КНР [Abbondanza 2021]. В 2018 г. Австралия одной из первых стран «коллективного Запада» официально запретила использовать телекоммуникационное оборудование компании Huawei и ZTE. Отношения с Поднебесной ухудшились еще сильнее после того, как в апреле 2020 г. австралийское правительство призвало к «международному всестороннему расследованию причин пандемии COVID-19 и роли в нем КНР»<sup>6</sup>. В таких условиях для австралийской внешней политики стала жизненно необходима поддержка со стороны внерегиональных союзников, которые претендуют на лидерство в регионе.

Одновременно, пересмотрев приоритеты внешней политики вследствие брекзита, Британия определила Индо-Пацифику и как зону собственных интересов [Годованюк 2020]. В Комплексном обзоре национальной безопасности (март 2021 г.) Лондон признал особую роль средних держав в трансформирующемся миропорядке, а Австралию – важнейшим союзником в регионе.

<sup>3</sup> Террористическая организация, запрещенная в РФ.

<sup>4</sup> В 2021 г. Австралию наряду с Индией и Южной Африкой пригласили в Корнуолл, где проходил саммит Группы семи. При этом, по сообщениям СМИ, С. Моррисон высказывал разочарование, что ему не удалось провести двустороннюю встречу с президентом США Дж. Байденом, поскольку к их разговору присоединился британский премьер-министр Б. Джонсон.

<sup>5</sup> We Aussies want to use our G7 invite to help build an enduring liberal order. The Telegraph. 11 June 2021. (<https://www.telegraph.co.uk/news/2021/06/11/aussies-want-use-g7-invite-help-build-enduring-liberal-order/>).

<sup>6</sup> Marise Payne calls for global inquiry into China's handling of the coronavirus outbreak. ABC News. Sun 19 Apr 2020. (<https://www.abc.net.au/news/2020-04-19/payne-calls-for-inquiry-china-handling-of-coronavirus-covid-19/12162968>).

## Британо-австралийское партнерство: экономический аспект

Австралия первой из стран «коллективного Запада» приняла «удар санкционного ответа» со стороны Пекина, продемонстрировав на практике «отделение» от Поднебесной (decoupling). В 2020 г. торговля с КНР обеспечивала 29% всего товарооборота и 39% австралийского экспорта<sup>7</sup>. Однако в ответ на открытую антикитайскую линию Китай сократил объемы импорта из Австралии, установив пошлины на ряд товаров (ячмень, вино, говядину, хлопок, железную руду). Масштаб бойкота австралийских товаров со стороны Китая оказался беспрецедентным, затронув 13 секторов. Наиболее ощутимыми стали ограничительные меры в отношении экспорта угля, почти четверть объема международных продаж которого приходилась на КНР<sup>8</sup>.

Стремясь минимизировать негативный эффект для своей экономики, Канберра в 2021 г. возобновила буксующие с 2018 г. переговоры по торговому соглашению с ЕС. Вышло на первый план торговое соглашение с Лондоном, параметры которого прорабатывала специальная рабочая группа еще с 2016 г.

Британия – второй после США крупнейший иностранный инвестор в австралийскую экономику. Тем не менее, объемы торговли остаются весьма скромными. В 2020 г. Австралия стала 7-м торговым партнером Лондона вне ЕС с товарооборотом в 13,9 млрд ф. ст. (экспорт составил 9,8 млрд ф. ст., импорт – 4,1 млрд ф. ст.). Для сравнения: годовой объем торговли Соединенного Королевства с ЕС – 660 млрд ф. ст. Общие параметры Соглашения о свободной торговле между Лондоном и Канберрой были согласованы в июне 2021 г., а в декабре 2021 г. документ был подписан<sup>9</sup>. Однако договор вступит в силу только после обсуждения в парламенте, что, по разным оценкам, может затянуться до 2023 г.

Для Британии сделка стала первой «с нуля» после завершения переходного периода в отношениях с ЕС. Все заключенные ранее торговые соглашения (с Японией, Канадой и пр.) были «калькой» распространявшихся ранее на Лондон соглашений Брюсселя с третьими странами. Британское правительство объявило торговую сделку с Канберрой приоритетом, руководствуясь интересами, которые не исчерпываются причинами экономического характера. В политическом аспекте договор призван продемонстрировать успехи независимой торговой политики «Глобальной Британии». Подчеркивая особенность сделки, британский истеблишмент подтвердил исключительный статус Австралии в собственных внешнеполитических приоритетах. В июне 2021 г. министр международной торговли Л. Трасс, в частности, назвала договоренности «историческими», которые станут «золотым стандартом» торговых соглашений эпохи постбрекзита. Однако, по оценкам аналитиков, максимально возможная экономическая выгода Британии составит от 0,01 до 0,02% ВВП (500 млн ф. ст. в течение 15 лет при оптимистичном сценарии)<sup>10</sup>.

Переговоры существенно облегчал тот факт, что Австралия представляет собой относительно небольшую и открытую экономику, которая установила минимальные торговые

<sup>7</sup> Australia's trade in goods with China in 2020. Australian Bureau of Statistics. (<https://www.abs.gov.au/articles/australias-trade-goods-china-2020>).

<sup>8</sup> Австралия ежегодно добывает около 500 млн тонн угля, большую часть которого (до 75%) она экспортирует. В 2019 г. страна экспортировала уголь на 64 млрд долл., что обеспечило до 8,3% ВВП.

<sup>9</sup> UK-Australia Free Trade Agreement. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/collections/uk-australia-free-trade-agreement>).

<sup>10</sup> UK-Australia free trade agreement: the UK's strategic approach. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/publications/uks-approach-to-negotiating-a-free-trade-agreement-with-australia/uk-australia-free-trade-agreement-the-uks-strategic-approach>).

барьеры на товары и инвестиции из Великобритании. Стороны договорились отменить все тарифы на экспортируемые британские товары, в частности на машины, виски, продукцию текстильной промышленности и пр. (товарооборот примерно на 4 млрд ф. ст.) и почти на все австралийские товары, экспортируемые в Британию.

Сделка открывает для Австралии британский рынок животноводства и сельского хозяйства (говядина, баранина, молочные продукты, сахар и пр.), на которые пока распространяются квоты. Решено, что после вступления договора в силу тарифы и квоты, например, на говядину и баранину сократят в течение 15 лет, на сахар – в течение 8 лет. Однако против соглашения выступили британские фермеры<sup>11</sup>, для которых сделка стала «неприятным рождественским подарком». Они высказали опасения, что либерализация рынка ударит по британским производителям, в несколько раз увеличит импорт и усилит сепаратистские настроения в Шотландии. Также сделка с Австралией, как и гипотетическое торговое соглашение с США, вызвала обеспокоенность из-за возможного понижения стандартов производства (австралийские фермеры используют пестициды), поскольку в документе не прописан механизм контроля стандартов.

Разработчики рассчитывают, что торговое соглашение будет стимулировать онлайн-торговлю, создаст возможности для свободного «движения цифровых данных» и общую «электронную среду» в сфере коммерческих услуг. Последний пункт вызывает беспокойство у британцев из-за опасений, что британские стандарты регулирования интернет-среды могут быть снижены.

Договор не предполагает свободу передвижения рабочей силы между Британией и Австралией, как ожидалось ранее, однако предусматривает меры, значительно облегчающие передвижение молодежи (от 18 до 35 лет). В рамках специальной схемы мобильности австралийцы смогут находиться в Великобритании в течение трех лет.

Что более важно, торговое соглашение, наряду с заключенным ранее договором с Японией, открывает Британии путь во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП), переговоры по которому начались в июне 2021 г.<sup>12</sup> Объемы торговли Великобританией со странами данной группы в 2019 г. составили 111 трлн ф. ст., увеличившись на 8% с 2016 г. Лондон рассчитывает, что Канберра окажет ему лоббистскую поддержку в вопросе вступления в данный экономический блок.

### **Военно-политическое сотрудничество: региональный аспект**

Со второй половины XX в. Великобритания по решению лейбористского правительства Г. Вильсона вывела большую часть военного контингента из региона «к Востоку от Суэца», утратив стратегические позиции в бассейне Индийского и Тихого океанов. В 1966 г. премьер-министр Австралии Г. Холт называл такое решение исторической ошибкой, «поскольку стабильный и мирный прогресс» в регионе нуждался «в моральной, материальной и военной поддержке со стороны Соединенного Королевства»<sup>13</sup>. Эксперты указывали, что именно опора на Австралию позволяла Лондону «ошутить terra firma в регионе» [Howard 1966]. Переориентация бывших доминионов на сотрудничество с Вашингтоном,

<sup>11</sup> Farmers' opposition to UK-Australia trade deal grows. BBC. 2 June 2021. (<https://www.bbc.com/news/science-environment-57268681>).

<sup>12</sup> Britain launches negotiations with £9 trillion Pacific free trade area. Gov.uk. 21 June 2021. (<https://www.gov.uk/government/news/britain-launches-negotiations-with-9-trillion-pacific-free-trade-area>).

<sup>13</sup> Will AUKUS cement 'Global Britain'? ASPI Strategist. (<https://www.aspistrategist.org.au/will-aucus-cement-global-britain>).

подкрепленное в 1951 г. военно-политическим соглашением Австралии, Новой Зеландии и США (ANZUS), означала фактически «сужение» зоны влияния Соединенного Королевства до европейского континента.

Британия, тем не менее, не ушла из региона полностью. Так, подписанное в 1971 г. Оборонное соглашение пяти держав (Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Соединенное Королевство), по мнению экспертов, позволило Великобритании присоединиться к «экосистеме оборонных союзов» в Юго-Восточной Азии. Договоренности не аналогичны принципу коллективной обороны НАТО – они обязывают страны консультироваться в случае нападения на одну из них. Сегодня такие форматы наряду с Альянсом «Пять глаз» приобретают особую ценность для британской внешней политики, несмотря на то, что, как указывают многие, они остаются «наследием империи и эпохи холодной войны».

Повышенный интерес к военно-политической кооперации с Австралией демонстрировало коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов (2010–2015 гг.), которое задолго до брексита проводило политику диверсификации торговых и политических партнеров. В 2013 г. страны подписали Соглашение об обороне и военном сотрудничестве (Australia–United Kingdom Defence and Security Cooperation Treaty)<sup>14</sup>. После длительного перерыва был реанимирован министерский диалог AUKMIN<sup>15</sup> по линии глав внешнеполитических и оборонных ведомств.

В стратегических документах Австралии зафиксирован приоритетный характер сотрудничества с Британией. Так, в Белой книге по обороне 2016 г. отмечено, что британо-австралийские отношения базируются на исторических и культурных связях. Обе страны выступают в пользу «порядка, основанного на правилах», согласуют подходы к обеспечению международной безопасности и сходятся в оценках угроз<sup>16</sup>. В Белой книге по внешней политике Австралии 2017 г. Британия обозначена в качестве самого важного международного партнера<sup>17</sup>.

С 2017 г. с подачи Вашингтона Канберра активно вовлечена в антикитайские политические форматы в регионе. Например, она участвует в реанимированном Д. Трампом четырехстороннем диалоге по безопасности с Индией, США и Японией. С приходом администрации Дж. Байдена роль военно-политических союзов в Тихом океане возросла в связи с американским видением концепции «свободной и открытой Индо-Пацифики» [Wallis, Powles 2021]. В соответствии с общим трендом на милитаризацию региона обновленная Стратегия обороны Австралии от 2020 г. предусматривает существенное увеличение военных расходов (свыше 270 млрд долл. в течение ближайших 10 лет)<sup>18</sup>. Такая тенденция открывает дополнительные «окна возможностей» для укрепления стратегических позиций «Глобальной Британии» как «естественного союзника» Канберры в долгосрочной перспективе и несет прямые выгоды для британского ВПК.

С 2017 г. стороны ведут министерский диалог высокого уровня по вопросам обороны и оборонного сотрудничества Defence Industry and Capability Dialogue, направленный на

<sup>14</sup> Australia–UK defence arrangements. ASPI Strategist. (<https://www.aspistrategist.org.au/australia-uk-defence-arrangements>).

<sup>15</sup> Британия и Австралия начали регулярные консультации в формате AUKMIN в 2006 г.

<sup>16</sup> Defence White Paper. 2016. (<https://www.defence.gov.au/whitepaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf>). P. 137–138.

<sup>17</sup> 2017 Foreign Policy White Paper. (<https://www.dfat.gov.au/publications/minisite/2017-foreign-policy-white-paper/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper/chapter-six-global-cooperation/our-global-partnerships.html>).

<sup>18</sup> Defending Australia and its interests. Prime Minister of Australia. (<https://www.pm.gov.au/media/defending-australia-and-its-interests>).

тесную кооперацию в области оборонной промышленности. Уже через год британская BAE System выиграла тендер на разработку и строительство девяти фрегатов нового поколения Hunter-class на основе британского «Глобального боевого корабля» Type 26 для Королевского ВМФ Австралии. Производством займется судостроительная компания ASC Shipbuilding в Осборне в Южной Австралии (родина австралийского кораблестроения). Важнейшие аспекты сотрудничества были отмечены в специальном меморандуме министров обороны двух стран в октябре 2020 г.<sup>19</sup>

Возвращение Британии в регион выражалось в первую очередь в военно-морской активности при поддержке ближайших союзников. Важнейшим событием повестки 2021 г. стали военно-морские маневры авианосной группы, анонсированные еще в 2017 г. министром иностранных дел Б. Джонсоном в ходе его визита в Сидней. Маневры в ИТР Британия активно координировала с Австралией. Более того, было решено, что в регионе на постоянной основе будут находиться два британских военных корабля HMS Spey и HMS Tamag, которые будет поддерживать ВМФ Австралии.

Кроме того, в июле 2021 г. начались масштабные военные учения Австралии и США, к которым также присоединились 11 государств, в том числе Великобритания<sup>20</sup>. Через месяц военно-морские силы двух стран активно участвовали в учениях Bersama Gold в ознаменование 50-летнего юбилея Оборонного соглашения пяти держав.

Кульминацией международных повесток двух стран стало объявление осенью 2021 г. о создании трехстороннего пакта по безопасности между Австралией, США и Великобританией, который легитимизирует присутствие Британии в ИТР в долгосрочной перспективе. Договоренности предполагают углубленное сотрудничество в сфере обмена военными разработками и технологиями, а также координацию оборонного и дипломатического сотрудничества в Индо-Пацифике. Первым шагом такого партнерства стало решение содействовать Канберре в строительстве 8 атомных подводных лодок, в связи с чем в ноябре 2021 г. стороны подписали соглашение о передаче соответствующих ядерных технологий<sup>21</sup>. В апреле 2022 г. было объявлено, что следующим этапом трехстороннего сотрудничества станет совместная работа над гиперзвуковым оружием<sup>22</sup>. Соглашение об AUKUS нацелено на то, чтобы ближайшие союзники продолжали вовлекать Австралию в гонку вооружений в регионе и эскалировать напряженность, что власти КНР неоднократно называли проявлением «мышления времен холодной войны». Китайские СМИ охарактеризовали Австралию «страной-гангстером», которая продвигает идею «оси белого превосходства» в «мафиозном сообществе под руководством США»<sup>23</sup>.

---

<sup>19</sup> Australia and the United Kingdom cooperate on frigate programs. Australian Government. Ministry of Defence. (<https://www.minister.defence.gov.au/minister/lreynolds/media-releases/australia-and-united-kingdom-cooperate-ffrigate-programs>).

<sup>20</sup> 11 nations participate in massive US-Australia military drill. The Times of India. Jul 16, 2021. (<https://timesofindia.indiatimes.com/world/rest-of-world/11-nations-participate-in-massive-us-australia-military-drills-as-tensions-escalate-in-indo-pacific/articleshow/84458710.cms>).

<sup>21</sup> UK/Australia/USA: Agreement for the Exchange of Naval Nuclear Propulsion Information [MS No.8/2021]. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/publications/ukaustraliausa-agreement-for-the-exchange-of-naval-nuclear-propulsion-information-ms-no82021>).

<sup>22</sup> AUKUS Leaders' Level Statement: 5 April 2022. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/news/aukus-leaders-level-statement-5-april-2022>).

<sup>23</sup> Chinese state media calls Australia a 'gangster' as trade war flares. News.com.au. February 26, 2021. (<https://www.news.com.au/world/five-eyes-china-accuses-australia-of-being-part-of-an-axis-of-white-supremacy/news-story/14599f6ca8e6100632b30557c2105a75>).



AUKUS с более широкими целями военного и оборонного сотрудничества представляет собой автономный от Альянса «Пять глаз» треугольник привилегированных партнеров, объединенных общими целями в регионе. Неизменная солидаризация с американской трактовкой безопасности в ИТР [Scott 2013], по мнению экспертов, меняет внешнеполитическую традицию Австралии, в которой нарушается баланс между поведением «средней державы» и «зависимого союзника» [Taylor 2020]. Фактически из «ответственного международного актора» Австралия постепенно превращается в игрока, чья линия поведения подчинена стратегии Вашингтона. Лондон, в свою очередь, выступает в качестве силы, которая цементирует союз трех держав, стремится примерить на себя роль моста, апробированную на трансатлантическом направлении, а за счет апелляции к общей идентичности старается представить себя способной влиять на Канберру стороной. Военные эксперты не исключают, что для демонстрации своего присутствия Британия разместит военный контингент в бывшем доминионе, где с 2018 г. уже увеличили военное присутствие США (в частности, в столице Северной территории – городе Дарвин).

Дальнейшее усиление двустороннего диалога подтвердил очередной раунд переговоров в формате AUKMIN в январе 2022 г.<sup>24</sup>. Визит в Австралию двух ключевых членов британского Кабинета (главы МИД Л. Трасс и главы оборонного ведомства Б. Уоллеса) прошел на фоне обострения военно-политической обстановки в Европе и циркулировавших сообщений о якобы запланированном «вторжении РФ на Украину». Символично прозвучало выступление Л. Трасс в ведущем австралийском аналитическом центре Институте Лоуи, где она назвала Австралию ближайшим союзником «в защите демократии и свободы во всем мире»<sup>25</sup>. Данное выступление перекликалось с программной речью Л. Трасс в Чатэм Хаус в декабре 2021 г., где она назвала приоритетом Лондона «сеть свободы и демократии», которая будет создана с ближайшими союзниками<sup>26</sup>.

Итоги британо-австралийских переговоров AUKMIN носили и прикладной характер. В частности, стороны согласовали «Стратегический инфраструктурный диалог развития» (Strategic Infrastructure and Development Dialogue). Новое соглашение предполагает поддержку высокотехнологичных проектов, таких как устойчивая к стихийным бедствиям и изменениям климата инфраструктура в ИТР. Страны получают доступ к тренировочным площадкам друг друга, исследовательским программам и на постоянной основе занимаются совместными военными разработками.

Наконец, еще одна будущая сфера сотрудничества – Партнерство в сфере кибербезопасности и критических технологий (Cyber and Critical Technology Partnership). В феврале 2022 г. в ходе виртуального саммита премьер-министров двух стран было подписано соглашение об укреплении вклада Британии в кибербезопасность, морскую безопасность и противодействие угрозам, исходящим от государств, на сумму 25 млн ф. ст.<sup>27</sup> В центре внимания сторон находятся глобальные цепочки поставок технологий и противодействие вредоносной деятельности в киберпространстве, противодействие «злонамеренным госу-

<sup>24</sup> Australia-UK ministerial meeting. Gov.uk. 21 January 2022. (<https://www.gov.uk/government/publications/aukmin-2022-joint-statement/australia-uk-ministerial-meeting-joint-statement>).

<sup>25</sup> Foreign Secretary Liz Truss' speech to the Lowy Institute. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-speech-to-the-lowy-institute>).

<sup>26</sup> Foreign Secretary Liz Truss and the UK's foreign policy priorities. Chatham House. 8 December 2021. (<https://www.chathamhouse.org/events/all/members-event/foreign-secretary-liz-truss-and-uks-foreign-policy-priorities>).

<sup>27</sup> Joint statement on UK-Australia virtual summit: 16 February 2022. Gov.uk. (<https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-on-uk-australia-virtual-summit-16-february-2022>).

дарственным акторам» в соответствии с усилиями Лондона по созданию «сети свободы и демократии» – в том числе в информационной сфере.

Стороны активно расширяют сотрудничество в области науки и технологий: правительство Британии окажет поддержку австралийской финтех-компании PEXA, а британская энергетическая компания Ostorus займется проектами в области возобновляемых источников энергии в Австралии.

В целом Лондон позиционирует себя «предпочтительным европейским партнером в ИТР», конкурируя с Пекином и подчеркивая общие ценности, историческую судьбу и идентичность с Канберрой.

### Выводы

Комплекс исторических, политических, экономических и геостратегических факторов, направленных на преодоление острой конкуренции в современных международных отношениях, привел к возросшему вниманию Лондона к бывшему доминиону. По замыслу разработчиков концепции «Глобальной Британии», акцент на оборонной составляющей партнерства с Канберрой должен подчеркнуть исключительную роль Лондона в обеспечении безопасности на мегапространстве от Евро-Атлантики до Индо-Пацифики.

Британия стремится воздействовать на Австралию, используя риторику об «особом» и «естественном» партнерстве. Кабинет Б. Джонсона продвигал так называемые торговые сделки «в австралийском стиле» и иммиграционную реформу по «австралийскому образцу», что чаще всего было лишь фигурой речи, призванной подчеркнуть особое значение Канберры в политике Британии и схожесть их интересов. После референдума о членстве в ЕС британский истеблишмент в выступлениях стал чаще упоминать о сходстве моделей государственного управления Британии и Австралии, а в более широком контексте – о приверженности неолиберальной системе международных отношений, на что китайские СМИ отреагировали риторическим вопросом, не станет ли Британия следующей мишенью масштабных санкций со стороны КНР<sup>28</sup>. Парадокс политики Лондона долгое время состоял в том, что страна не сформулировала однозначную линию в отношении Поднебесной. Например, Соединенное Королевство заняло жесткую позицию по отношению к китайскому технологическому гиганту Huawei последним из союзников по Альянсу «Пять глаз», что демонстрировало вынужденный характер такого решения.

Вместе с тем британское руководство неоднократно напоминало, что Лондон будет поддерживать Канберру в ее противостоянии с Китаем. Вашингтон и Лондон рассчитывают на Австралию как на «опорный пункт» в Индо-Пацифике, что формально подтвердил военно-политический союз AUKUS, который цементирует общий курс союзников на сдерживание Пекина в попытке сместить в их пользу баланс сил в регионе.

Курс австралийского правительства на конфронтацию с КНР вызывает критику со стороны оппозиции, поскольку страна рискует проиграть в международной экономической конкуренции под воздействием китайских санкций, а также быть вовлеченной в прямой конфликт с Пекином. Роль Соединенного Королевства, несмотря на попытки выступать посредником в Индо-Пацифике и «особым партнером» Канберры, остается вспомогательной по отношению к американской политике, а готовность Лондона участвовать в прямом военном столкновении в регионе маловероятна.

---

<sup>28</sup> Will UK be the next Australia and inflict damage on itself? Global Times. Feb 18, 2021. (<https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215833.shtml>).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешин А.А. (2020) Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. № 2. С. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/afij-2020-2-63-75>.
- Ананьева Е.В., Годованюк К.А. (2021) Стратегия национальной безопасности Великобритании // Аналитические записки Института Европы РАН. № 5 (235). С. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021>.
- Британия после брекзита (2021) Отв. ред. К.А. Годованюк. Москва: ИЕ РАН. 184 с. DOI: [http://dx.doi.org/10.15211/report82021\\_386](http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386).
- Годованюк К.А. (2020) Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. № 1. С. 37–48. DOI <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>.
- Портанский А.П. (2020) Изменение в торговой политике Британии после брекзита // Современная Европа. № 6. С. 129–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020129141>.
- Abbondanza G. (2021) Australia the ‘Good International Citizen’? The Limits of a Traditional Middle Power // Australian Journal of International Affairs. Vol. 75. Pp. 178–196.
- Beeson M., Higgott R. (2014) The Changing Architecture of Politics in the Asia-Pacific // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 14. No. 2. Pp. 215–237.
- Bridge C. (2006) Introduction: Australia’s Changing Relations with Britain and the Commonwealth from Menzies to Howard via Fraser – A Brief Survey // The Commonwealth Journal of International Affairs. Vol 95. Issue 387. Pp.661–665.
- Brophy D. (2021) China Panic: Australia’s Alternative to Paranoia and Pandering // Melbourne: La Trobe University Press. 272 p.
- Chapnik A. (1999) The Middle Power // Canadian Foreign Policy Journal. Vol. 7. No. 1. Pp. 73–82. DOI: 10.1080/11926422.1999.9673212.
- Evans G. (2022) Good International Citizenship: The Case for Decency. 96 p.
- Hill C. (2019) The Future of British Foreign Policy. Security and Diplomacy in a World after Brexit. Cambridge: Political Press. 256 p.
- Howard M. (1966) Britain’s Strategic Problem East of Suez // International Affairs. Vol. 42. Pp. 179–183.
- Peters M.A. (2021) Geopolitical Rebirth of the Anglosphere as a World Actor after Brexit // Educational Philosophy and Theory. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2021.1991791>.
- Scott D. (2013) Australia’s Embrace of the ‘Indo-Pacific’: New Term, New Region, New Strategy? // International Relations of the Asia-Pacific. Vol. 13. Issue 3. Pp. 425–448. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lct009>.
- Taylor B. (2020) Is Australia’s Indo-Pacific Strategy an Illusion? // International Affairs. Vol. 96. Issue 1. Pp. 95–109. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiz228>.
- Ungerer C. (2007) The “Middle Power” Concept in Australian Foreign Policy // Australian Journal of Politics and History. Vol. 53. No. 4. P. 538–51.
- Vucetic S. (2022) Elite–Mass Agreement in British Foreign Policy // International Affairs. Vol. 98 (1). Pp. 245–262. DOI: doi: 10.1093/ia/iiab203.
- Wallis J., Powles A. (2021) Burden-Sharing: The US, Australia and New Zealand Alliances in the Pacific Islands // International Affairs. Vol. 97. Issue 4. Pp. 1045–1065. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiab081>.
- Wellings B., Mycock A. (2019) The Anglosphere: Continuity, Dissonance and Location. Oxford: British Academy; Oxford University Press. 248 p.
- Wheeler N.J., Dunne T. (1998) Good International Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy // International Affairs. Vol. 74. No. 4. Pp. 847–870.

## REFERENCES

- Aleshin A.A. (2020) Vneshnepoliticheskaya strategiya Avstralii: srednyaya derzhava v vysokokonkurentnoj srede [Australian Foreign Policy Strategy: Middle Power in a Highly Competitive Environment]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. no. 2, pp. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/afij-2020-2-63-75>.
- Ananieva E.V., Godovanyuk K.A. (2021) Strategiya nacional'noj bezopasnosti Velikobritanii [UK National Security Strategy]. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*. no. 5 (235), pp. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021>.
- Britaniya posle brekzita* [The United Kingdom after Brexit] (2021) Ed(s): Godovanyuk K.A. Moscow: IE RAS. 184 p. DOI: [http://dx.doi.org/10.15211/report82021\\_386](http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386).
- Godovanyuk K.A. (2020) Prioritety Velikobritanii v Indo-Tihookeanskom regione [The UK Priorities in the Indo-Pacific]. *Sovremennaya Evropa*. no. 1, pp. 37–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120203748>.
- Portanskiy A.P. (2020) Izmenenie v torgovoj politike Britanii posle brekzita [The UK's Post-Brexit Trade Policy]. *Sovremennaya Evropa*. no. 6, pp. 129–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020129141>.
- Abbondanza G. (2021) Australia the 'Good International Citizen'? The Limits of a Traditional Middle Power. *Australian Journal of International Affairs*. vol. 75, pp. 178–196.
- Beeson M., Higgott R. (2014) The Changing Architecture of Politics in the Asia-Pacific. *International Relations of the Asia-Pacific*. vol. 14, no. 2, pp. 215–237.
- Bridge C. (2006) Introduction: Australia's Changing Relations with Britain and the Commonwealth from Menzies to Howard via Fraser – A Brief Survey. *The Commonwealth Journal of International Affairs*. vol. 95, issue 387, pp. 661–665.
- Brophy D. (2021) *China Panic: Australia's Alternative to Paranoia and Pandering*. Melbourne: La Trobe University Press. 272 p.
- Chapnik A. (1999) The Middle Power. *Canadian Foreign Policy Journal*. vol. 7, no. 1, pp. 73–82. DOI: [10.1080/11926422.1999.9673212](https://doi.org/10.1080/11926422.1999.9673212).
- Evans G. (2022) *Good International Citizenship: The Case for Decency*. 96 p.
- Hill C. (2019) *The Future of British Foreign Policy. Security and Diplomacy in a World after Brexit*. Cambridge: Political Press. 256 p.
- Howard M. (1966) Britain's Strategic Problem East of Suez. *International Affairs*. vol. 42, pp. 179–183.
- Peters M.A. (2021) Geopolitical Rebirth of the Anglosphere as a World Actor after Brexit. *Educational Philosophy and Theory*. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2021.1991791>.
- Scott D. (2013) Australia's Embrace of the 'Indo-Pacific': New Term, New Region, New Strategy? *International Relations of the Asia-Pacific*. vol. 13, issue 3, pp. 425–448. DOI: <https://doi.org/10.1093/irap/lct009>.
- Taylor B. (2020) Is Australia's Indo-Pacific Strategy an Illusion? *International Affairs*. vol. 96, issue 1, pp. 95–109. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz228>.
- Ungerer C. (2007) The "Middle Power" Concept in Australian Foreign Policy. *Australian Journal of Politics and History*. vol. 53, no. 4, pp. 538–51.
- Vucetic S. (2022) Elite–Mass Agreement in British Foreign Policy. *International Affairs*. vol. 98 (1), pp. 245–262. DOI: [10.1093/ia/iiab203](https://doi.org/10.1093/ia/iiab203).
- Wallis J., Powles A. (2021) Burden-Sharing: The US, Australia and New Zealand Alliances in the Pacific Islands. *International Affairs*. vol. 97, issue 4, pp. 1045–1065. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiab081>.
- Wellings B., Mycock A. (2019) *The Anglosphere: Continuity, Dissonance and Location*. Oxford: British Academy; Oxford University Press. 248 p.
- Wheeler N.J., Dunne T. (1998) Good International Citizenship: A Third Way for British Foreign Policy. *International Affairs*. vol. 74, no. 4, pp. 847–870.

## Информация об авторе

**Годованюк Кира Анатольевна**, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований Института Европы Российской академии наук. Адрес: Моховая ул., д. 11, стр. 3, Москва, 127005. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

## About the author

**Kira A. Godovanyuk**, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Department of Country Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS). Address: 127005, Moscow, Mokhovaya Street, 11-3. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 01.04.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.04.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 15.04.2022